

МАКСИМОВИЧ ЖЕЛЬКО

7 ДНЕЙ

ПЕРИОД НАЦИОНАЛЬНОГО
УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

7 ЛЕТ

ПЕРИОД СТРАТЕГИЧЕСКОГО
ПЛАНИРОВАНИЯ

70 ЛЕТ

ПЯТЫЙ ЭТАЖ

СОВЕТ СТРАТЕГИЧЕСКОГО
ПЛАНИРОВАНИЯ

7 ДНЕЙ

7 ЛЕТ

70 ЛЕТ

АИ, БЕРИЯ

1
★

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БЕЗОПАСНОСТЬ
СТРАТЕГИЧЕСКОЕ
ПЛАНИРОВАНИЕ
ИНФОРМАЦИОННЫЙ
УКЛАД

СОВЕРШЕННО
СЕКРЕТНО

ИНДУСТРИАЛЬНАЯ
ЭПОХА
ЗАВЕРШАЕТСЯ

БУДУЩЕЕ
ПРИНАДЛЕЖИТ ТЕМ,
КТО ПЛАНИРУЕТ
ЕГО СЕГОДНЯ

Л. Берия

АЛЬТЕРНАТИВНАЯ ИСТОРИЯ. ГЕОСТРАТЕГИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

Желько Максимович

АИ, Берия 1

<https://litres.ru/74357629>

SelfPub; 2026

Аннотация

АИ, Берия 1 — масштабный роман в жанре альтернативной истории и геостратегической фантастики. Ключевая точка бифуркации — 6 марта 1953 года, ночь смерти Сталина. В реальной истории Берия был арестован через сто дней и расстрелян. В этой ветви он принимает иное решение — и начинает пересобирать страну.

Сюжет. В ночь на 6 марта 1953 года Лаврентий Берия раскладывает на столе три стратегические карты: на семь дней, на семь лет, на семьдесят лет вперёд. Он понимает: индустриальная эпоха завершается, и страна, не успевшая перейти в информационный уклад, обречена на распад. За семь дней он консолидирует власть, нейтрализует конкурентов и создаёт пятый этаж — Совет стратегического планирования, невидимый институт стратегического управления, выводящий ключевые решения за пределы публичной политики.

Желько Максимович

АИ, Берия 1

ГЛАВА 1. ТОЧКА БИФУРКАЦИИ: НОЧЬ НА 6 МАРТА

1

Стратегическая метка: 6 марта 1953 года, 02:47 по московскому времени. Ближняя дача, Кунцево. Уровень доступа: 5-й этаж власти — концептуальный. Горизонт планирования: 50 лет. Аналитическая записка № 1: точка бифуркации зафиксирована. Вероятность реализации альтернативной ветви — 3,2%. Рекомендация: не вмешиваться — система сама выберет траекторию. Автор записки: неизвестен. Архив: отсутствует.

Он вышел из автомобиля в половине третьего ночи, когда мартовский снег ещё лежал на газонах нетронутым саваном, а воздух стоял такой плотный и тихий, что каждый шаг отдавался в костях. Лаврентий Павлович Берия знал, что Вождь мёртв, ещё за шесть часов до того, как трубка замолчала в руке Хрущёва. Знал — и ничем не выдал этого знания. За шесть часов он успел сделать многое: просмотреть сводки из военных округов, переговорить с двумя — только с двумя — людьми из своего аппарата, уничтожить несколько доку-

ментов и составить три новые стратегические карты.

Теперь, стоя у окна кабинета на Лубянке, он смотрел на пустую площадь Дзержинского и видел не архитектуру, не ночной город, не цепочки фонарей, уходящие к Кремлю, — он видел линии напряжения. Линии, которые соединяли заводы Урала с конструкторскими бюро Харькова, урановые рудники Колымы с полигонами Семипалатинска, кабинеты членов Президиума с квартирами их любовниц, секретные лаборатории с лагерными бараками. Он видел империю как сеть — и сеть эта уже начала рваться. Инфаркт Сталина не был смертью человека. Инфаркт Сталина был разрывом тектонической плиты, на которой тридцать лет стояла вся конструкция.

Берия закурил. Табачный дым слоился в конусе света от настольной лампы, и в этом медленном слоении ему виделась архитектура будущего — не метафорически, а почти буквально, как геостратегу видится карта мира через двадцать, тридцать, пятьдесят лет. Он провёл ладонью над столом, разгоняя дым, и три листа ватмана, разложенные перед ним, проступили чётче.

Первая карта: ближний горизонт. Семь дней.

Вторая: средний. Семь лет.

Третья: дальний. Семьдесят лет.

На всех трёх значилось одно и то же. Инфаркт Сталина создавал воронку, и воронка эта затягивала в себя всё: партию, армию, промышленность, идеологию, само время. Система пяти этажей власти, выстроенная Вождём за три десятилетия — концептуальный, аппаратный, корпоративный, силовой, публичный, — дала трещину именно на пятом, самом верхнем, там, где идея превращается в реальность. Идея умерла раньше тела. Она умирала давно: с конца двадцатых, когда пассионарный толчок революции пошёл на спад, страна вползала в инерционную фазу. Сталин был последним, кто удерживал конструкцию усилием личной воли. Теперь воли не стало.

Берия докурил папиросу до картонного мундштука и раздавил его в тяжёлой бронзовой пепельнице — подарок то ли от Молотова, то ли от Вышинского, он не помнил. Он вообще не помнил многих вещей, связанных с подарками: подарки были частью ритуала, а ритуалы он презирал. Презирал, но соблюдал — и в этом был весь Берия. Геостратег не может презирать ритуалы открыто. Геостратег использует ритуалы как инструмент. Как дымовую завесу.

Он подошёл к сейфу, вмонтированному в стену за книж-

ным шкафом. Набрал код — восемь цифр, которые менялись каждый понедельник. Достал папку без названия, единственную из всех, не имевшую грифа секретности, потому что гриф был бы излишним: папку эту видели только двое — он сам и покойный Вождь. И то, покойный Вождь видел её лишь однажды, мельком, и тогда же сказал фразу, которую Берия запомнил навсегда: «Товарищ Берия, вы слишком далеко смотрите. Государство живёт сегодня».

Государство, товарищ Сталин, умирает сегодня, подумал Берия, раскрывая папку. Государство, которое живёт сегодня, не имеет завтра. А моя работа — обеспечить завтра. Даже если для этого потребуется пожертвовать сегодня целиком.

В папке лежали документы, не имевшие аналогов в советском делопроизводстве. Это не были докладные записки, аналитические сводки или протоколы заседаний. Это были тексты, написанные от руки, на русском, грузинском и — в нескольких случаях — на английском, который Берия выучил в сорок пятом, когда стало ясно: следующий конфликт будет с Западом, и готовиться к нему надо на языке Запада. Тексты эти назывались «стратегическими картами» — термин, изобретённый самим Берией для внутреннего пользования. Они не имели грифа, потому что любой, прочитавший их, либо понял бы слишком много, либо не понял бы

ничего. Третьего не дано.

Он перелистал страницы и остановился на той, что была помечена римской цифрой I.

2

6 марта 1953 года, 01:15. Запись от руки, карандаш. По-черк Берии — мелкий, убористый, с характерным наклоном влево. На полях — схематическое изображение пяти концентрических кругов. Верхний круг перечёркнут жирной линией. Подпись: «Л.Б. — для архива. Не уничтожать».

Пять этажей власти.

Эту схему Берия разработал не сам — он позаимствовал её из работ американского военного теоретика, чью фамилию предпочитал не произносить даже мысленно, потому что мысль в его положении могла стать явной через допрос, через прослушку, через предательство ближайшего соратника. Но схема работала, и он адаптировал её к советской реальности.

Первый этаж — публичный. Лица в газетах, голоса по радио, портреты на Первомайских демонстрациях. Члены Президиума, секретари обкомов, редакторы «Правды». Их

функция — быть видимыми. Их беда — они верили в собственную реальность. Они думали, что власть — это они.

Второй этаж — силовой. Армия. МВД. МГБ. Органы, которые Берия знал изнутри, как никто другой в стране, и которые он держал в кулаке — пока держал. Этот этаж понимал, что власть — это сила. Но понимал узко, линейно, через количество дивизий и стволов. Он не понимал главного: сила — это не дивизии, сила — это время. Кто управляет временем, тот управляет силой.

Третий этаж — корпоративный. Советский аналог американского военно-промышленного лобби. Наркоматы-министерства, главки, конструкторские бюро, заводы-гиганты. Тяжёлая промышленность Урала, атомный проект, ракетная программа. Эти люди не думали о власти как таковой — они думали о ресурсах, о фондах, о плановых показателях. Но именно они, сами того не осознавая, были кровеносной системой империи. Перекрой ресурс — и публичный этаж рухнет, сколько бы портретов ни висело на фасадах.

Четвёртый этаж — аппаратный. Партийная номенклатура. ЦК, обкомы, райкомы, учётные карточки, личные дела, телефоны спецсвязи. Миллион человек, связанных круговой порукой и страхом. Самый инертный этаж — и самый опасный. Аппарат не производил ничего, кроме самого себя. Он

паразитировал на идее и на ресурсе одновременно. Он был не инструментом — он был опухолью. И он разрастался.

Пятый этаж — концептуальный. Идея. Коммунизм? Нет, не коммунизм. Коммунизм был формой, упаковкой, ритуалом — одним из многих. Настоящая идея была проще и страшнее: мобилизационный рывок. Страна как военный лагерь, нацеленный на преодоление отставания любой ценой. Индустриализация, коллективизация, война, атомный проект — всё это было одним и тем же процессом, растянутым на тридцать лет. И процесс этот закончился. Пассионарный толчок иссяк. Страна устала. Идея умерла — и тело должно было умереть следом.

Сталин был пятым этажом. Не символом пятого этажа, не его представителем — самим этажом. Он держал идею в себе, как шаман держит духа. Теперь дух ушёл.

Берия закрыл папку и положил её на стол, поверх трёх стратегических карт. В комнате было тихо — только часы на стене отсчитывали секунды с механическим равнодушием. За окном, на площади, прошёл ночной патруль: четыре фигуры в шинелях, четыре винтовки, четыре пары глаз, не видевших ничего, кроме снега и фонарей. Они не знали, что история только что свернула с прямой дороги и теперь летела под откос. Они не знали — и это было их благословением.

Берия знал.

3

Он снова закурил. Папироса вторая, потом третья — он не считал. Дым слоился, заполнял кабинет, обволакивал лампу, и в этом дыму ему виделось будущее — не как пророчество, не как мистическое откровение (Берия был материалистом до мозга костей, геостратегом, а не шаманом), а как расчёт. Геостратегия — не геополитика. Геополитика считает дивизии, танки, тонны стали и баррели нефти. Геостратегия считает технологические уклады, длины исторических циклов и точки бифуркации — моменты, когда система теряет устойчивость и может пойти по одной из нескольких траекторий.

Индустриальная эпоха заканчивалась. Берия видел это с той же беспощадной ясностью, с какой Курчатов видел цепную реакцию в графитовой кладке реактора. Контуры нового уклада проступали уже сейчас: в отчётах атомного проекта, где физики-ядерщики вплотную подошли к вычислительным задачам, требовавшим машин нового типа; в донесениях разведки о транзисторных лабораториях Bell Labs и Texas Instruments; в первых советских разработках — МЭСМ в Киеве, БЭСМ в Москве, — которые были ещё неуклюжими, ламповыми, но уже дышали в затылок будущему. Инфор-

мационный уклад. Эпоха, в которой главным ресурсом станет не сталь и не нефть, а скорость обработки данных. Тот, кто первым оседлает этот уклад, станет ядром пан-региона — макроэкономической зоны, объединяющей континенты. Тот, кто опоздает, станет колонией. Как бы ни назывались его правители.

«Стратегия, — сказал он однажды Курчатову, в апреле сорок шестого, на полигоне под Семипалатинском, когда они стояли вдвоём у края бетонного капонира и смотрели на стальную башню с ещё не подорванным зарядом, — стратегия, Игорь Васильевич, это не план. План — это когда ты знаешь, что будет через час, через день, через год. А стратегия — это искусство выбирать путь в тумане, когда ни одна карта не верна. Вот вы — вы знаете, сработает бомба или нет?»

Курчатов тогда промолчал. Он был физиком-ядерщиком и не любил аналогий. Но Берия знал: Курчатов понимал. Настоящая наука — она всегда на острие неопределённости. Настоящая власть — тоже.

Теперь туман сгустился до предела. В соседней комнате спала жена — Нина, грузинка, верная, молчаливая, привыкшая за двадцать лет не задавать вопросов. В Кремле бодрствовали заговорщики — Хрущёв, Маленков, Булганин, —

они ещё не знали, что Вождь мёртв, но уже чуяли: что-то произошло. Они звонили друг другу по вертушкам, обменивались намёками, прощупывали почву. В Вашингтоне аналитики ЦРУ — группа из восьми человек, сидевшая в подвале старого здания на E Street под руководством человека, чью фамилию Берия выучил наизусть, — ещё не получили сигнала от своих источников в Москве, но уже закладывали в свои модели сценарий «советского транзита»: три возможных траектории, три кандидата на роль преемника, три варианта реакции Запада. Берия знал об этих моделях. Его разведка работала хорошо.

Он знал и другое: у него есть ровно семь дней. Семь дней до того, как Маленков, Хрущёв и военные сомкнут кольцо. Семь дней, чтобы переопределить траекторию — не свою, не страны даже, а целой цивилизационной плиты. Переопределить — или исчезнуть.

Расстрел? Триумф? Третьего не дано в точке бифуркации. Третье — это медленное сползание обратно, в инерцию, в смерть системы. Третье — это Хрущёв, который будет разоблачать культ личности, заливать кукурузой полстраны и стучать ботинком по трибуне ООН. Третье — это Брежнев, который будет целовать генсеков в губы и плодить анекдоты о геронтократии. Третье — это медленный, позорный, неостановимый распад.

Берия выбрал другое.

4

Он склонился над первой картой — ближний горизонт. Семь дней.

Карта представляла собой схему, напоминавшую одновременно шахматную доску и топографический план местности. Ключевые фигуры — Маленков, Хрущёв, Булганин, Молотов, Каганович, Ворошилов, Жуков, Василевский, Конев — были обозначены значками, разработанными самим Берией: треугольник — аппаратная фигура, квадрат — силовая, круг — корпоративная, ромб — публичная. Ни одного концептуального значка. Ни одного круга с перекрестием, которым Берия обозначал себя. Он был один на пятом этаже, и это было и его силой, и его уязвимостью.

Стрелки расходились от значка Сталина — чёрный кружок, перечёркнутый красной линией — к остальным. Стрелки влияния, обязательств, компромата, долгов, страха. Паутина. Паутина, центром которой тридцать лет был Вождь. Теперь центра не стало — и паутина начала рваться. Берия видел, как рвутся нити: вот Маленков, формальный преемник, уже договаривается с Хрущёвым; вот Хрущёв, партий-

ный аппаратчик с нюхом на власть, уже звонит в Киев, в Минск, в Свердловск; вот Жуков, обиженный, сосланный в Одесский округ, ждёт своего часа; вот Молотов, старая гвардия, уже составляет в уме список «врагов народа» для новой чистки.

Каждый из них думал на один ход вперёд. Максимум — на два. Берия думал на десять. В этом было его преимущество — и его проклятие: тот, кто думает на десять ходов, часто проигрывает тому, кто думает на один, потому что один ход быстрее. Скорость против глубины. Реакция против стратегии. Так, бывало, всегда в точках бифуркации — и именно поэтому точки бифуркации редко реализовывались в пользу стратегов.

Но был способ.

Берия взял красный карандаш — тот самый, которым он подписывал расстрельные списки, тот самый, которым он черкал резолюции на докладных записках, — и провёл жирную линию от своего значка к значку Жукова. Потом ещё одну — к Коневу. Потом пунктиром — к Василевскому. Армия. Ставка на армию была очевидной, но недостаточной. Армия давала силовой ресурс — но не давала аппаратного. Без аппарата любой переворот захлебнётся в первые же часы. Без публичного этажа — захлебнётся в первые же дни. Без

корпоративного — захлебнётся в первые же месяцы. Нужно было всё сразу.

Он отодвинул первую карту и взялся за вторую — средний горизонт. Семь лет.

5

6 марта 1953 года, 02:28. Запись от руки, чернила. Почерк — твёрже, крупнее, чем в предыдущей записи. Поля чистые. Внизу — приписка: «Курчатову не показывать».

Семь лет — это горизонт, на котором становится видна траектория. Не план — Берия не верил в планы, планы составляли аппаратчики, чтобы потом не выполнять их, — а именно траектория. Вектор. Направление, в котором должна двигаться страна, чтобы не просто выжить, а стать ядром пан-региона.

Пан-регион. Это слово Берия тоже позаимствовал — из немецкой геополитической школы, разгромленной вместе с Рейхом, но не утратившей интеллектуальной ценности. Хаусхофер, застрелившийся в сорок шестом, понимал мир как систему больших пространств. Советский Союз, с его территорией от Эльбы до Чукотки, от полярных льдов до Памира, был идеальным кандидатом на роль пан-региона. Но терри-

тория — это ещё не всё. Пан-регион — это не география, это гравитация. Способность притягивать ресурсы, умы, технологии — и перерабатывать их в силу.

Сейчас гравитация ослабевала. Сателлиты по восточноевропейскому периметру — Польша, Чехословакия, Венгрия, Румыния, Болгария — держались на штыках. Китай, формальный союзник, смотрел на Москву с плохо скрываемым раздражением. Юг — Иран, Турция, арабский мир — был полем битвы с Западом, и битву эту СССР проигрывал, потому что не мог предложить ничего, кроме идеологии, в которую уже никто не верил.

Нужна была новая идея. Но идея не рождается из ничего — она вырастает из технологического уклада. Индустриальная эпоха породила социализм и фашизм как две версии мобилизационной модели. Информационная эпоха породит что-то другое, и Берия хотел, чтобы это другое родилось здесь, а не в Америке.

Для этого требовалось три вещи.

Первое: вычислительный кластер. Сеть машин, способных обрабатывать данные быстрее, чем любая бюрократическая структура. Не одна ЭВМ — одна ничего не решает, — а именно сеть, распределённая по ключевым узлам: атомный

проект, ракетная программа, Госплан, разведка. Сеть, которая позволит управлять экономикой не директивно, а кибернетически. Берия читал Винера в английском оригинале — «Кибернетика» вышла в сорок восьмом, и к пятидесятому у него уже был перевод, сделанный специальной группой в Институте точной механики. Он понял тогда: кибернетика — это не наука об управлении машинами, это наука об управлении системами. Любыми системами. В том числе — социальными.

Второе: транзисторная база. Без неё вычислительная сеть останется ламповой громадиной, пожирающей мегаватты и занимающей кварталы. Транзистор — ключ к миниатюризации, к скорости, к мобильности. Америка уже шла по этому пути: Bell Labs, Texas Instruments, Motorola — десятки лабораторий, тысячи инженеров, миллиарды долларов. СССР отставал на три-пять лет — не смертельно, но критично. Нужно было сократить отставание любой ценой.

Третье: новая управленческая парадигма. Аппарат четвёртого этажа должен быть заменён — не реформирован, не почищен, а именно заменён — системой, основанной на данных, а не на лояльности. Это означало войну с номенклатурой — войну на уничтожение. И эту войну Берия был готов вести.

Он отложил карандаш и потёр переносицу. Глаза устали. Последние трое суток он спал не больше четырёх часов — и то урывками, в машине, по пути с одного совещания на другое. Но спать было нельзя. Спать — значит упустить нить. Упустить нить — значит проиграть.

6

Он встал из-за стола, прошёлся по кабинету. Шаги отдавались глухо — ковровая дорожка, привезённая из Берлина в сорок пятом, гасила звук. На стенах висели карты: политическая карта мира, карта природных ресурсов СССР, карта дислокации войск НАТО в Европе. Под картами — книжные шкафы, заполненные не книгами, а папками. Каждая папка — проект. Каждый проект — нить, ведущая в будущее. Атомный. Ракетный. Радиолокационный. Вычислительный. Криптографический. Биологический — этот под грифом «Особая папка», только для него и Сталина. Все они были начаты при Вожде. Все они требовали продолжения. Но продолжение было невозможно без смены траектории — потому что старая траектория вела в тупик.

Берия остановился у окна. Площадь Дзержинского была пуста — только ветер гнал по асфальту позёмку. Он вспомнил другой ветер, другой город, другую ночь. Тбилиси, двадцатый год. Ему двадцать три, и он ещё не Берия — он Лав-

рентий, студент-недоучка, агент ЧК, мальчишка, которому поручили внедриться в мусаватистскую разведку. Тогда он впервые понял, что такое власть. Власть — это информация: кто что знает, кто кому сказал, кто кого боится. Всё остальное — декорации.

Потом был Баку. Нефть. Нефтедобыча, нефтепереработка, нефтяная политика. Берия руководил закавказским ГПУ и одновременно курировал нефтяную отрасль — и тогда-то он впервые увидел связь между ресурсом, технологией и геополитикой. Нефть была кровью индустриальной эпохи. Тот, кто контролировал нефть, контролировал всё. Но он уже тогда понимал: нефть не вечна. Индустриальная эпоха кончится — может, через тридцать лет, может, через пятьдесят, — и тогда главным ресурсом станет не то, что можно добыть из земли, а то, что можно добыть из информации. Из времени. Из скорости.

Москва, тридцать восьмой. Он возглавил НКВД — и начал самую страшную и самую эффективную чистку в истории советских спецслужб. Ежов, его предшественник, уничтожал людей. Берия уничтожал структуры — и заменял их новыми. Он понимал: кадры решают всё, но кадры — это не люди, кадры — это система подбора, обучения, мотивации и контроля. Система, которую он выстроил за полтора года, работала без сбоев всю войну.

Война. Сорок первый — сорок пятый. Берия не воевал на фронте, но он воевал на своём фронте — фронте производства. Эвакуация заводов, организация выпуска вооружений, ядерный проект, разведка. Двенадцать — шестнадцать часов в сутки, без выходных, без отпусков, без права на ошибку. Он выдержал. Он построил систему, которая выдержала.

И вот теперь, в пятьдесят третьем, эта система дала трещину. Не потому, что она была плоха. А потому, что кончилось время. История исчерпала индустриальный цикл — и требовала нового.

Берия вернулся к столу и взялся за третью карту — дальний горизонт, семьдесят лет. Но едва он развернул её, как зазвонил телефон.

7

Телефон — не обычный, не вертушка, а особый, с красной трубкой, стоявший на отдельной тумбе у стены. По этому телефону звонили только двое: Сталин и начальник его личной охраны. Сталин позвонить уже не мог. Значит — охрана.

Берия снял трубку.

— Слушаю.

Голос на том конце был глухим, неестественно спокойным — так говорят люди, которые только что видели смерть и ещё не успели осознать её масштаб.

— Лаврентий Павлович, товарищ Сталин скончался. Час назад. Врачи подтвердили.

Берия помолчал. Час назад — он знал это. Знал с точностью до минуты, хотя никто ему не сообщал. Знал — и ждал этого звонка как формального подтверждения того, что уже стало реальностью.

— Кто в курсе?

— Только я и двое врачей. Я приказал им молчать.

— Правильно. Доложите Хрущёву и Маленкову. Через час. Не раньше. Мне нужно время.

— Но, Лаврентий Павлович...

— Через час, — повторил Берия и положил трубку.

Он вернулся к столу, но уже не сел — встал, упёршись ла-

донями в карту дальнего горизонта. Семьдесят лет. Семьдесят лет — это горизонт, на котором исчезают детали и остаётся только вектор. Траектория, уходящая за пределы одной человеческой жизни, за пределы одной исторической эпохи, за пределы одного технологического уклада.

Что он видел там, на этой карте? Что рисовал его карандаш на ватмане в эти предрассветные часы?

Он видел мир, в котором Советский Союз не распался — потому что вовремя перешёл от индустриальной модели к информационной. Мир, в котором пан-регион с центром в Москве охватывал Евразию от Атлантики до Тихого океана — не силой штыков, а силой гравитации, технологическим и экономическим превосходством. Мир, в котором Америка осталась конкурентом, но не гегемоном — Восточное полушарие уравнивало Западное. Мир, в котором холодная война не закончилась капитуляцией одной из сторон — а трансформировалась в новую форму сосуществования, более сложную, более многослойную, более опасную, но и более устойчивую.

Это была утопия. Берия знал, что это утопия. Но утопия — это не мечта, утопия — это цель. Без цели стратегии не существует. Без стратегии не существует будущего. Без будущего не существует настоящего.

Он свернул карту — аккуратно, как сворачивают бесценный документ, который больше никто не увидит. Положил её в сейф. Закрыл дверцу. Набрал код.

Оставалось шесть дней, двадцать три часа и примерно сорок минут. За это время ему предстояло сделать то, чего никто никогда не делал: переопределить траекторию целой цивилизации, не имея на это ни формальных полномочий, ни аппаратной поддержки, ни гарантий безопасности. Имея только знание — и волю.

8

6 марта 1953 года, 03:15. Последняя запись этой ночи. Почерк — стремительный, почти неразборчивый. Бумага — клочок, вырванный из блокнота. Текст: «Если я исчезну — искать в сейфе № 3. Ключ у Нины. Она знает». Ниже — ряд цифр, возможно, координаты. Возможно, код.

Он вышел из кабинета в коридор, где дежурил Поскрёбышев — верный, неподкупный, уставший до смертной бледности. Поскрёбышев знал всё, но не знал главного — и это было правильно. Знание убивает, когда оно избыточно.

— Машину к подъезду. Еду в Кремль.

— Слушаюсь, Лаврентий Павлович.

Через три минуты чёрный ЗИС-110 выехал с Лубянки и, набирая скорость, понёсся по пустым московским улицам. Снег пошёл снова — крупный, мартовский, последний в этом году. Он ложился на лобовое стекло, и дворники размазывали его в полупрозрачную пелену, сквозь которую Берия смотрел на город.

Город спал. Миллионы людей — рабочие, инженеры, врачи, учителя, лагерные заключённые, партийные функционеры, генералы, учёные, — миллионы людей не знали, что этой ночью что-то изменилось. Что история, дремавшая последние несколько лет, проснулась и теперь будет требовать жертв. Что тишина, накрывшая страну, — не покой, а затишье перед бурей. Что наверху, в лабиринтах власти, началась игра, ставка в которой — всё.

Берия знал. Он всегда знал. В этом было его проклятие — и его величие.

Машина свернула на Моховую, миновала Манеж, въехала в Троицкие ворота Кремля. Часовой, узнав машину, отдал честь. Берия не ответил — он смотрел вперёд, туда, где за зубчатой стеной светились окна здания Совета Министров.

Там уже собирались заговорщики — те, кто через несколько часов объявят себя наследниками Сталина, поделят портфели, составят первые списки будущих опальных. Они ещё не знали, что он идёт к ним. Что он уже разложил перед собой три стратегические карты. Что он выбрал.

«Стратегия, — сказал он тогда Курчатову, — это не план. Это искусство выбирать путь в тумане, когда ни одна карта не верна».

Туман сгущался. Карты были неверны. Но путь был выбран — и теперь оставалось только пройти его до конца.

Машина остановилась у подъезда. Берия вышел под снег, запахнул шинель, поправил пенсне. На мгновение он замер — не от холода, не от страха, а от странного, почти физического ощущения, что время раздвоилось. Что где-то, в параллельной ветви реальности, он уже не вышел из машины, уже не вошёл в эти двери, уже принял другое решение. Что та ветвь, трёхпроцентная, почти невероятная, — она существует. Она ждёт.

Он улыбнулся — своей знаменитой, страшиноватой, ни на что не похожей улыбкой, — и толкнул дверь.

Стратегическая метка: 6 марта 1953 года, 03:32. Кремль, приёмная Совета Министров. Уровень: переход между 4-м и 5-м этажами. Аналитическая записка № 2: точка бифуркации пройдена. Вероятность реализации основной ветви — 96,8%. Вмешательство не требуется. Автор записки: неизвестен. Архив: засекречен до 2023 года. Примечание: в 2023 году архив уничтожен.

В приёмной уже сидели трое: Маленков — грузный, бледный, с мешками под глазами, в расстёгнутом кителе; Хрущёв — нервный, подвижный, с бегающими глазами; Булганин — прямой, напряжённый, как на параде. Они замолчали, когда Берия вошёл.

— Лаврентий, — сказал Маленков. Голос его дрогнул. — Ты знаешь?

— Знаю, — ответил Берия и опустился в кресло — не в то, что стояло у стены, а в то, что стояло во главе стола. Там обычно сидел Сталин.

Никто не возразил.

— Надо решать, — сказал Хрущёв. — Надо срочно...

— Не надо срочно, — перебил Берия. — Срочно — это когда пожар. А у нас не пожар. У нас — смена эпох. Это требует не скорости, а точности. — Он обвёл взглядом собравшихся — каждого по очереди, не пропуская никого, задерживаясь ровно на секунду. — Я предлагаю следующий порядок: сначала — закрытое заседание Президиума. Потом — обращение к народу. Потом — распределение обязанностей. И только потом — похороны. Вождь должен быть похоронен с почестями, но похороны не должны стать параличом власти. Власть переходит к нам — здесь и сейчас. И мы должны быть готовы её принять.

Он говорил спокойно, размеренно, почти монотонно — как говорят люди, которые уже всё решили и теперь только озвучивают решение. В его голосе не было страха. Не было сомнения. Была только ясность — та самая ясность геостратега, которая видит дальше, чем видят другие, и потому кажется им почти сверхъестественной.

Хрущёв переглянулся с Маленковым. Булганин кашлянул в кулак. В комнате повисла пауза — долгая, тягучая, как мартовский снег за окном.

Берия ждал. Он знал: сейчас, в эту самую секунду, решается всё. Если они согласятся — его траектория начнёт реализовываться. Если нет — придётся включать запасной сце-

нарий. Тот самый, который он не хотел включать, но был готов включить в любой момент.

— Хорошо, — сказал наконец Маленков. — Давайте... давайте так и сделаем.

Берия кивнул — коротко, скупое, словно ничего особенного не произошло. Но внутри, где-то глубоко, там, куда он не пускал даже собственные мысли, вспыхнула искра. Искра триумфа. Искра ужаса. Искра абсолютной, нечеловеческой ясности.

Траектория началась.

Он не знал тогда — не мог знать, — что в параллельной ветви реальности, той самой трёхпроцентной, он уже проиграл. Что через сто дней его объявят врагом народа, арестуют, расстреляют в бункере и закопают без имени и памятника. Что та ветвь — основная, девяносто шесть и восемь десятых процента, — уже запущена и набирает ход.

Но это было там, в другой версии истории. А здесь, в этой версии, Берия только начинал свой путь. Путь длиной в семьдесят лет — и дальше.

Эпилог главы. Стратегическая метка: 7 марта 1953 года, 06:00. Москва, радиоточки по всему Советскому Союзу. Диктор Левитан зачитывает правительственное сообщение. Голос его дрожит — впервые за всю войну, впервые за все годы. Страна замирает у репродукторов. История раздваивается — окончательно и бесповоротно. Автор записки: неизвестен. Архив: всё ещё существует. Время доступа: никогда.

ГЛАВА 2. ВИДЕНИЕ: СТРАТЕГИЧЕСКАЯ СБОРКА, 1965

1

Стратегическая метка: 12 апреля 1965 года, 09:15 по московскому времени. Геостратегический центр «Арбат-12», 12-й этаж, кабинет Главного стратега. Уровень доступа: 5-й этаж власти — концептуальный. Горизонт планирования: 2000 год. Документ на рассмотрении: «Прогнозный сценарий № 7: Евразийский пан-регион — фаза консолидации». Вероятность удержания технологического паритета с Западом: 74,3% (при условии выполнения программы «Кремний-2» в полном объёме). Вероятность без выполнения программы: 12,1%. Автор документа: аналитическая группа «Зеркало». Архив: действующий, доступ ограничен.

Кабинет на двенадцатом этаже нового здания на Арбате был спроектирован самим Берией в пятьдесят девятом, когда стало ясно: старые кабинеты — лубянские, кремлёвские, сталинские — не годятся для новой работы. Они были построены для власти, которая смотрит внутрь, в себя, в лабиринты аппаратных интриг. А новая власть должна была смотреть наружу — в мир, в будущее, в те области вероятного, которые ещё не стали действительным, но уже требовали стратегического ответа.

Архитектора звали Леонидов — Иван Ильич Леонидов, гений конструктивизма, чудом уцелевший в тридцатых и сороковых, забытый, списанный со счетов. Берия разыскал его в пятьдесят четвёртом, через год после Ночи Решения, в коммуналке на Преображенке. Старик пил. Когда за ним пришли двое в штатском, он решил, что это арест, и спокойно — слишком спокойно, обречённо — протянул руки для наручников. Вместо наручников ему вручили папку с техническим заданием и ключи от мастерской в Доме архитекторов. Через три года Леонидов сдал проект — и проект этот был таким, что у принимающей комиссии перехватило дыхание. Двенадцать этажей стекла, стали и бетона, встроенных в арбатский квартал так, словно здание росло здесь всегда — но из будущего, а не из прошлого. Никаких колонн, никаких барельефов, никакой имперской тяжести. Только линии — чистые, стремительные, уходящие вверх и вперёд.

Берия утвердил проект за три минуты, не глядя на смету. Когда Леонидов, запинаясь, спросил о бюджете, Главный стратег ответил фразой, которую потом повторяли в коридорах «Арбата-12» как неофициальный девиз: «Геостратегия не экономит. Геостратегия инвестирует — или исчезает».

Теперь, шесть лет спустя, кабинет на двенадцатом этаже стал центром силы, о которой не писали в газетах, не упоминали на пленумах ЦК и не наносили ни на одну официальную карту. Здесь не висело портретов — ни Ленина, ни Маркса, ни самого Берии. Здесь не было красных знамён, ковровых дорожек, тяжёлых штор из бархата. Только стол из карельской берёзы — массивный, как алтарь, способный выдержать вес стратегических карт. Только три телефонных аппарата без дисков набора — прямые линии на командные пункты, не требовавшие коммутации. Только кресло — единственное, жёсткое, без подлокотников, чтобы нельзя было развалиться, расслабиться, потерять нить мысли.

И только карта.

Карта занимала всю северную стену — восемь на четыре метра, от пола до потолка. Евразия от Ла-Манша до Шанхая, от полярных льдов до Персидского залива. Но эта карта не была мёртвым отпечатком географии — она была живым

организмом, дышащим, меняющимся, реагирующим на каждое движение в мире. Лаборанты из секретного картографического бюро ежедневно обновляли разметку: цветные булавки на тончайших шёлковых нитях, светящиеся маркеры, транспаранты с прогнозными зонами. Красные — зоны интеграции, где советская модель развития приживалась, мутировала, давала гибридные формы. Синие — американские прокси-базы, от Западной Германии до Окинавы, от Турции до Филиппин. Чёрные — точки напряжения, где прямо сейчас, в эту минуту, решалась судьба пан-региона: Берлин, Вьетнам, Куба. Зелёные — технологические кластеры: Новосибирский академгородок, Зеленоград, Харьковское КБ кибернетики, Дубна, Арзамас-16.

Берия стоял перед картой спиной к двери — так он принимал всех посетителей, чтобы они видели не его лицо, а его горизонт. Он похудел за двенадцать лет — пенсне сидело на осунувшемся лице, седина тронула виски. Но спина оставалась прямой, а голос — тем же самым, что в Ночь Решения: спокойным, размеренным, почти монотонным. Голосом человека, который видит дальше, чем другие, и давно перестал удивляться тому, что видит.

Сегодня он принимал аналитика.

12 апреля 1965 года, 09:22. Запись беседы. Стенографист: отсутствует. Запись ведётся аппаратурой «Рубин-4». Гриф: «Абсолютно секретно. Экземпляр единственный». Примечание: расшифровка голоса собеседника затруднена — использован модулятор «Зеркало-2» для сокрытия идентичности.

Аналитик вошёл без стука — для людей его уровня двери «Арбата-12» открывались автоматически, считывая рисунок радужной оболочки глаза. Эту систему, первую в Союзе, разработали в закрытой лаборатории в Киеве два года назад. Берия настоял на её внедрении лично, преодолев сопротивление силового блока: генералы не доверяли машинам, они доверяли только людям с пистолетами. «Машина не продаст, — отрезал тогда Берия. — Машина не боится, не пьёт и не берёт взяток. А человек — продаст, испугается, запьёт и возьмёт. В этом разница между пятым этажом и четвёртым. Учитесь».

Аналитик носил оперативный псевдоним «Зеркало» — и это был не один человек. Это была группа: восемь математиков, три физика-теоретика, два лингвиста, один историк и один специалист по теории игр, переманенный из Принстона в пятьдесят шестом. Группа существовала семь лет и не произвела ни одного публичного документа. Их работа не цити-

ровалась, не рецензировалась, не обсуждалась на учёных советах. Их работа ложилась на стол Берии — и только Берии.

Сегодня Зеркало пришло не с докладом — с приговором.

— Лаврентий Павлович, — голос был искажён модулятором до неузнаваемости, бетонно-серый, лишённый интонаций. — Я должен показать вам кое-что. Это не укладывается в стандартный формат.

— Показывайте.

Аналитик разложил на столе аэрофотоснимки — спутниковые, высокой чёткости, полученные с аппарата «Зенит-4», запущенного в марте. Берия умел читать снимки: он научился этому ещё в атомном проекте, когда разглядывал фотографии полигонов в Неваде, присланные агентурой. Но то, что он увидел сейчас, заставило его замереть.

Пало-Альто, Калифорния. Исследовательский центр — длинные низкие здания, парковки, забитые автомобилями, зелёные лужайки. Никаких заборов с колючей проволокой, никаких вышек с часовыми. Внешне — университетский кампус. Внутри — лаборатории, где прямо сейчас, в эту минуту, решалась судьба следующего столетия.

Рядом с первым снимком лёг второй — увеличенный фрагмент. Схема: слои кремния, напиленные на подложку, травление, легирование. Интегральная схема. Чип.

Третий снимок — график. Берия взгляделся в цифры и почувствовал, как холодеют пальцы. Так, бывало, всегда, когда цифры подтверждали его худшие опасения — а худшие опасения у него были всегда. Он называл это «стратегической паранойей» — и считал её профессиональным качеством, а не недостатком.

— Вот здесь, — палец Зеркала упёрся в фотографию, — плотность транзисторов. Тысяча девятьсот шестьдесят второй: двенадцать элементов на кристалл. Шестьдесят третий: двадцать четыре. Шестьдесят четвёртый: пятьдесят. Шестьдесят пятый, прогноз по нашим данным: сто двадцать. Они удваиваются каждые восемнадцать месяцев. Некоторые наши источники говорят, что темп ускоряется.

Берия молчал.

— Это не гонка вооружений, Лаврентий Павлович. Ракеты устаревают за десять лет. Чипы устаревают за год. Это не гонка количеств. Это гонка укладов. Если мы проиграем здесь, — палец снова упёрся в фотографию, теперь в один из длинных корпусов, тот, где располагалась лаборатория

Fairchild Semiconductor, — через двадцать лет мы будем покупать их чипы. Как когда-то покупали станки у Форда. Но тогда, в двадцатых, мы покупали железо. А теперь...

Он замолчал, подбирая слова. Берия ждал — он никогда не торопил аналитиков. Он знал: мысль требует времени, а точная мысль — вдвое больше.

— Теперь чип — это не станок, — продолжило Зеркало. — Чип — это контроль. Над информацией. Над коммуникацией. Над финансами. Над оружием. Над умами. Вы понимаете, Лаврентий Павлович? Тот, кто производит чипы, производит реальность. В буквальном смысле. Мы все скоро будем жить внутри их архитектуры. Внутри их кода. Внутри их решений — технических, промышленных, а потом и политических. Интегральная схема — это форма власти, которой ещё нет названия.

Берия подошёл к столу, взял один из снимков — тот, где была лаборатория Fairchild, — и долго смотрел на него, словно пытаясь разглядеть не только кремниевые пластины и диффузионные печи, но и людей, которые там работали. Молодых инженеров — ровесников его собственных специалистов, сидевших в Зеленограде и Новосибирске. Что у них было? Свобода? Деньги? Талант? Да, всё это. Но главное — у них было будущее. Они уже жили в том мире, который для

остальных ещё не наступил.

— Что у нас? — спросил он наконец.

Зеркало разложило четвёртый снимок. Зеленоград, корпус 101. Советская интегральная схема — первая, опытная, на порядок менее плотная. В пять раз больше элементов питания. В три раза медленнее. В два раза дороже.

— Отставание — три с половиной года, — доложило Зеркало. — Если считать по плотности упаковки. По техпроцессу — четыре. По производственным мощностям — пять, может, шесть. Группа Лебедева делает всё возможное, но у них нет оборудования. Американцы не продают нам установки литографии. Японцы колеблются. Немцы боятся. Мы одни.

— Мы всегда одни, — сказал Берия и положил снимок на стол. — В этом наше проклятие — и наше преимущество.

3

Он прошёлся по кабинету — не нервно, не торопливо, а так, как ходят люди, привыкшие думать на ходу. Три шага до окна, три обратно. За окном разворачивалась Москва — апрельская, солнечная, ещё не столица пан-региона, но уже город, в котором дышалось по-другому, чем двенадцать лет

назад. Троллейбусы, автомобили «Волга», новые здания на Кутузовском. Где-то там, на юго-западе, Университет — сталинская высотка, памятник уходящей эпохе. А здесь, на Арбате, — новая эпоха, ещё не построенная, ещё не имевшая архитектурного выражения, но уже требовавшая его.

— Расскажите мне про программу «Кремний-2», — сказал он, не оборачиваясь. — В деталях. Я читал сводку, но сводка — это не знание. Что мы делаем не так?

Зеркало помедлило. Оно — или он, или она, Берия не знал пола оператора за модулятором, — явно колебалось. Для аналитика пятого этажа колебание было почти преступлением: здесь требовалась абсолютная прямота. Но Берия понимал причину. То, что должно было прозвучать сейчас, граничило с критикой самой стратегической линии — а критиковать стратегическую линию в присутствии её автора было рискованно даже здесь, в самом защищённом кабинете Союза.

— Мы делаем не так почти всё, — произнесло наконец Зеркало. — Программа «Кремний-2» — это копирование американской модели. Но копирование в условиях технологического эмбарго обречено на отставание. Мы пытаемся повторить их путь, а нужно искать свой. У нас нет свободного рынка венчурного капитала — но у нас есть централизован-

ное планирование. У нас нет тысяч стартапов — но у нас есть сотни закрытых КБ. У нас нет Стива Джобса — но у нас есть система, которая может мобилизовать ресурсы быстрее, чем любой рынок. Проблема в том, что система работает на индустриальных принципах. Она оптимизирована под выпуск танков, а не чипов. Танки не устаревают за год.

— Продолжайте.

— Танк можно сделать по чертежу, утверждённому три года назад. Чип трёхлетней давности — это музейный экспонат. Система согласования технической документации у нас занимает восемь месяцев — от эскиза до запуска в серию. У них — восемь недель. Система аттестации кадров: начальник лаборатории утверждается решением коллегии министерства. Решение принимается месяц. У них — решение принимает владелец компании, за минуту. Но это ещё не всё.

— Я слушаю.

— Идеология. Мы до сих пор не реабилитировали кибернетику полностью. Да, в пятьдесят пятом вы продавили решение ЦК, но низовое сопротивление осталось. В университетах половина профессоров до сих пор считает кибернетику «буржуазной лженаукой». Студентов учат на лампах. Лампы, Лаврентий Павлович. В шестьдесят пятом году. Пока амери-

канские студенты работают с интегральными схемами, наши — с триодами сороковых годов.

Берия резко обернулся. Глаза за пенсне блеснули — не гневом, нет, гнев он научился контролировать ещё в двадцатых. Это был интерес. Хищный, холодный, почти нечеловеческий интерес геостратега, нащупавшего ключевую точку воздействия.

— Значит, образование. Вот где затык.

— Так точно. И ещё кое-что.

— Говорите.

— Язык. Язык программирования. У них — FORTRAN, COBOL, скоро будет что-то новое, мы слышали о проекте в Bell Labs. У нас — машинные коды, ассемблеры локальной разработки. Каждое КБ пишет на своём диалекте. Мы не можем обмениваться программами даже внутри Союза, не говоря уже о международном уровне. Мы создаём вавилонскую башню из кремния. А они строят единую экосистему.

В комнате повисла тишина. Берия снова повернулся к карте — теперь он смотрел на зелёные зоны, технологические кластеры. Зеленоград. Новосибирск. Харьков. Киев. Дуб-

на. Каждый из них был островом. Каждый работал на своём направлении. Каждый был изолирован от остальных ведомственными барьерами, секретностью, несовместимостью стандартов.

Архипелаг.

Прекрасный, мощный, но — архипелаг. А им нужен был континент.

4

12 апреля 1965 года, 09:47. Распоряжение Главного стратега № 14/65-СС. Гриф: «Особой важности. Экземпляр № 1 из 3». Содержание: утверждение программы «Кремний-2-бис». Срок исполнения: 36 месяцев. Контроль: личный.

Берия вернулся к столу, сел — не в кресло, а на угол стола, что делал только в моменты наивысшей концентрации, — и заговорил. Голос его звучал так же размеренно, как всегда, но Зеркало, знавшее Главного стратега семь лет, уловило перемену тона. Это был голос не аналитика и не бюрократа. Это был голос архитектора, увидевшего чертёж, который никто до него не видел.

— Значит, три проблемы. Образовательный барьер. Языковой барьер. Скоростной барьер — система согласований. Решаем все три. Первое: университетская реформа. Вводим кибернетику как обязательный предмет на всех технических специальностях. Стимулируем профессию — не репрессиями, хватит с нас репрессий, — а деньгами. Кто защищает диссертацию по вычислительной технике, получает тройной оклад. Кто выпускает учебник — государственную премию. Нужно создать моду. Мода на кибернетику, на математику, на программирование. Чтобы школьники мечтали не о лётном училище, а о вычислительном центре.

Он помолчал, проверяя, успевает ли Зеркало записывать.

— Второе: единый язык. Не копируем FORTRAN — создаём свой, но совместимый на уровне трансляции. Пусть думают, что мы отстали, — а мы пока выстроим систему. Назовите... назовите «Алгол-65». Алгоритмический язык. Пусть группа работает в Новосибирске — там воздух чище, думается легче. И пусть это будет открытый стандарт. Никакой секретности. Наоборот — мы должны привлечь математиков из Индии, из Африки, из Латинской Америки. Тех, кого Запад не пускает в свои университеты. Пусть приезжают к нам. Пусть пишут на нашем языке. Пусть мир привыкает, что технологии — это не только Калифорния.

Он встал и снова подошёл к карте.

— Третье: скорость. Систему согласований ломаем. Для проектов уровня «Кремний-2-бис» вводим прямое подчинение Совету стратегического планирования. Минуя министерства, главки, коллегии. Руководитель проекта получает карт-бланш на три года. Если через три года нет результата — снимаем. Без трибунала, без лагерей — просто снимаем и переводим в преподаватели. Хватит сажать. Сажать — это индустриальный метод. Мы строим информационную эпоху — здесь нужны другие методы.

Зеркало отложило блокнот — оно давно не записывало, запись велась на встроенный магнитофон, — и подняло глаза на Берию. В модулированном голосе прозвучало что-то похожее на изумление:

— Лаврентий Павлович, вы хотите создать... параллельную систему управления. Для технологического сектора.

— Я хочу создать будущее, — ответил Берия. — А будущее не создаётся методами прошлого. Будущее требует свободы — контролируемой, направленной, ограниченной стратегическими рамками, но свободы. Инженер, который боится ошибиться, не создаст ничего нового. Инженер, который не боится, — создаст всё. Наша задача — убрать страх.

Не везде — везде рано. Но в технологических кластерах.

Он взял красный карандаш — тот самый, что прошёл с ним войну, атомный проект и Ночь Решения, — и начертил на титульном листе документа резолюцию:

«Утверждаю. Исполнение — немедленное. Отчёт — ежеквартальный. Контроль — личный. Л. Берия. 12.04.65».

5

Зеркало ушло. Берия остался один в кабинете, перед картой, которая теперь казалась ему не картой мира, а картой поля битвы. Битвы без линии фронта, без танков и дивизий, но от того не менее реальной. Битвы за следующий технологический уклад.

Он думал о том, как странно устроена история. В двадцатых индустриализация была линейной задачей: есть образец — завод Форда, — его нужно скопировать, масштабировать, поставить на поток. Любой ценой, в любые сроки, с любыми жертвами. Это была стратегия догоняющего развития — жестокая, но понятная. Теперь, в шестьдесят пятом, ситуация стала принципиально иной. Догонять было некого — вернее, тот, кого нужно было догонять, сам не знал, куда бежит. Американская Кремниевая долина росла как живой ор-

ганизм — хаотично, непредсказуемо, без единого плана. Тысячи компаний, десятки тысяч инженеров, миллиарды долларов венчурного капитала. И никто — ни президент Джонсон, ни Пентагон, ни ЦРУ — не контролировал этот процесс полностью. Он был стихией. Он был рыночной. И именно эта стихийность делала его неуязвимым для классической советской стратегии. Нельзя догнать то, что движется без траектории.

Но можно создать альтернативу.

Берия подошёл к столу, выдвинул ящик — не верхний, не средний, а нижний, тот, что запирался на отдельный ключ, — и достал тонкую папку без названия. В папке лежал документ, который он начал писать ещё в пятьдесят четвёртом и дополнял каждый год. Документ назывался «Теория пан-региональной гравитации» и не предназначался для чужих глаз — даже Зеркало не знало о его существовании.

Основная идея была проста — и оттого пугающая. Пан-регион удерживается не силой оружия и не идеологией. Он удерживается гравитацией — способностью притягивать ресурсы, умы, капиталы и амбиции. Гравитация создаётся технологическим превосходством, экономической привлекательностью и культурным излучением. Американский пан-регион уже обладал всеми тремя: доллар был мировой

валютой, Голливуд — мировой фабрикой смыслов, Кремниевая долина — мировым источником технологий. Советский пан-регион обладал пока только первым — военно-технологическим превосходством в отдельных областях. Экономической привлекательности не было. Культурного излучения — тоже.

Значит, нужно было создать и то, и другое. Не за десять лет — за тридцать, сорок, пятьдесят. Но начать — сейчас.

Он перелистнул страницу и остановился на разделе, озаглавленном «Индийский вектор». Самая амбициозная — и самая рискованная — часть его стратегии. Индия: пятьсот миллионов человек, древняя цивилизация, нейтральный статус, растущая интеллектуальная элита. Если Советский Союз предложит Индии технологическое партнёрство — не помощь, не подачку, а именно партнёрство, на равных, — это изменит баланс сил в Евразии. Индийские математики уже сейчас работали в лучших университетах мира. Что, если предложить им работать в Новосибирске? В Зеленограде? На Арбате?

Рядом с «Индийским вектором» лежала записка — всего три строчки, написанные рукой Берии в прошлом году:

«Неру согласился на переговоры. Встреча в Ташкенте —

осенью 1966. Подготовить пакет: вычислительный центр в Бангалоре, обмен студентами, совместное предприятие по программному обеспечению. Язык — русский и английский. Никакой идеологии. Только технологии».

Он закрыл папку и убрал её обратно в ящик. Запер на ключ. Посмотрел на часы — десять сорок пять. Через пятнадцать минут у него была запланирована встреча с академиком Келдышем — нужно было обсудить математическое обеспечение программы «Кремний-2-бис». А после — звонок в Новосибирск, академику Соболеву: языковая группа должна была начать работу в течение месяца.

День только начинался, а Берия уже чувствовал ту особую, почти физическую усталость, которая накапливалась годами — не от недосыпа, нет, от другого. От тяжести решений. От того, что каждый выбор, который он делал здесь, на двенадцатом этаже, отзывался последствиями — через год, через десять лет, через поколение.

Он подошёл к окну и долго стоял, глядя на Москву. Где-то там, в институтах и КБ, прямо сейчас учёные и инженеры решали задачи, от которых зависело будущее страны. Они не знали всей картины — им и не нужно было знать. Достаточно того, что картину знал он.

12 апреля 1965 года, 11:03. Встреча с академиком М. В. Келдышем. Кабинет Главного стратега. Присутствуют: Берия Л. П., Келдыш М. В., оператор «Зеркало-4» (стенографирование). Тема: математическое обеспечение «Кремний-2-бис». Гриф: «Секретно».

Келдыш вошёл ровно в одиннадцать — пунктуальность его была легендарной, предметом восхищения и тихих насмешек в академической среде. Маленький, сухощавый, с быстрыми глазами, он напоминал Берии Курчатова в молодости — то же сочетание гениальности и совершенной, почти детской неспособности к интриге. Такие люди были бесценны для пятого этажа: они давали результат, не требуя взамен ничего, кроме задач.

— Мстислав Всеволодович, садитесь. — Берия указал на стул — не кресло, простой стул с прямой спинкой, — и подвинул к нему папку с материалами. — Я хочу, чтобы вы посмотрели вот это. И сказали честно: возможно или нет.

Келдыш взял папку, раскрыл, пробежал глазами первые страницы. Его брови — тонкие, почти незаметные — поползли вверх.

— Лаврентий Павлович, это... Вы хотите построить вычислительную сеть, охватывающую всю страну? От Калининграда до Владивостока?

— От Берлина до Шанхая, — поправил Берия. — Но пока — от Калининграда до Владивостока. Единый стандарт передачи данных. Единый протокол. Единая система адресации. Чтобы вычислительный центр в Новосибирске мог обмениваться данными с Зеленоградом в реальном времени. Возможно?

Келдыш молчал минуту. Потом ещё минуту. Он перелистывал страницы, возвращался назад, снова перелистывал. Берия ждал — он знал, что математику такого уровня нужно время, чтобы просчитать задачу в уме.

— Возможно, — сказал наконец Келдыш. — Теоретически возможно. Но потребуется... — Он быстро прикинул в уме, шевеля губами, — около двух тысяч километров выделенных линий связи, защищённых от помех. Новое поколение коммутаторов — электромеханические не справятся. Специальное программное обеспечение. И главное — люди. Нам понадобятся сотни программистов, а у нас сейчас в стране их — хорошо если тысяча, и половина из них заняты оборонными задачами.

— Значит, нужно две тысячи, — сказал Берия. — Через три года. Справитесь?

Келдыш снял очки, протёр их платком — привычка, которую он приобрёл в эвакуации, в Казани, и сохранил на всю жизнь, — и посмотрел на Берию долгим взглядом.

— Лаврентий Павлович, я справлюсь. Но вы должны понимать: это не просто техническая задача. Это — новая инфраструктура. Как железные дороги в девятнадцатом веке. Как электрификация в двадцатом. Мы закладываем основу для нового общества. Вы отдаёте себе в этом отчёт?

Берия усмехнулся — той самой усмешкой, которую знали немногие и боялись все.

— Мстислав Всеволодович, я отдаю себе в этом отчёт уже двенадцать лет. С той самой ночи, когда Сталин умер, а я остался жив. Я знаю, что мы строим. И я знаю, зачем. А теперь — давайте к деталям.

Они работали три часа. Келдыш исписал формулами двенадцать листов — он всегда носил с собой блокнот в клетку, простой, школьный, купленный в киоске на Арбате. Берия

задавал вопросы — точные, неожиданные, иногда наивные, но всегда в точку. Он не был математиком, но он был геостратегом — а геостратегия и математика, в сущности, занимались одним и тем же: моделированием вероятного.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.